

Д. В. КОЛУПАЕВ

**КАЗАЧИЙ МЕНТАЛИТЕТ
И СОЦИАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАЗАКОВ
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ
В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Российское казачество в период, предшествующий революционным событиям 1917 года и Гражданской войны, было четко оформленным социумом, со всеми признаками субэтнуса в рамках формирующейся общероссийской гражданской нации. Отношение к казачеству только как к военизированному сословию характерно не только ко времени начала XX века. Даже современные исследователи, в массе своей, не говоря уже об общественных деятелях, видят в казачестве продолжение армии. Здесь автор этих строк обращает внимание на тот факт, что казачий со-

циум, казачья община сумела сохраниться в своем историческом развитии только при условии продолжения своих особенных отношений с российскими государственными структурами. Самодержавная власть Российской империи, после длительной своей исторической эволюции, пришла к весьма своеобразному социальному выводу — лучше иметь казачество союзником, чем социальным противником. Восстания Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева сумели внушить толстокожему в плане исторического сознания российскому государственному классу мысль о предоставлении казакам определенных социальных привилегий в рамках имперских структур, с сохранением великолепных боевых качеств казачества, которые были поставлены на службу империи.

Казачья община резко выделялась в социальном плане на фоне крестьянской общины России и общин других народов империи. В данном случае речь идет не только о наличии у станичных казачьих обществ развитой системы самоуправления, выборности, носящей характер социального действия, а не профанации, как в крестьянских общинах, и наличия у казачьих общин финансовых капиталов. Казаки в своей социальной практике руководствовались не стремлением к примитивному уравнительству членов своих общин, что наблюдалось в крестьянских общинах. Казачьи сообщества в первую очередь помогали своим малоимущим членам в приобретении воинского снаряжения на службу. Развитие рыночных связей и рост капиталистических предприятий на казачьей земле мыслился станичникам как своеобразный кооперативный процесс, в рамках которого казачья буржуазия должна была стать не объектом социальной ненависти со стороны станичного сообщества, а источником накопления станичных капиталов.

События 1905 года наложили отпечаток исторической вины всего российского казачества сначала перед зарождающейся русской демократией, а потом и перед победившим в 1917 году «пролетариатом». Казачьи войска были использованы самодержавием для подавления революционных выступлений и социальных бунтов. Казаки свой воинский долг перед царем выполнили. Однако тот революционный вихрь, который прошел над Россией в 1905-1907 годах, для казачества стал катализатором роста различных политических течений внутри казачьей среды, а также явился толчком к началу осмысления особого исторического пути казачества.

Демократическое крыло в казачьей среде была представлено членами партии конституционных демократов (кадеты по политической терминологии начала XX века), которые в основном действовали в близкой

им по социальному духу среде: в рядах казачьей интеллигенции, учителей, мелкой буржуазии. Именно из этой социальной группы вышел ведущий политический публицист и историк Войска Донского С. Г. Сватиков, бывший человеком широких демократических взглядов. В период работы первой Государственной думы в 1906 году, когда большинство депутатов было настроено критически по отношению к самодержавию, думские депутаты пытались поднимать вопрос о роли казачества в революционных событиях 1905-1907 годов.

Говоря о воинских традициях казачества и тем, что из его традиционно хорошей службы царю и отечеству сделали ретивые служаки самодержавия, депутат Государственной думы России от Области войска Донского Крюков заявил: «Казак дорожит казацким званием и на это у него, пожалуй, есть чрезвычайно веские причины. Он дорожит им, может быть, инстинктивно, соединяя с ним те отдельные, но не угасшие традиции, которые вошли в его сознание вместе с молоком матери, вместе с дедовскими преданиями... Оторванный от общей родины, запертый в клетку военного управления, задавленный бесправием, казак сделался слепым орудием в руках власти» [2, с. 6, 10]. Депутат Сидельников в ходе депутатской полемики о предназначении казачества в истории России сказал: «Казак есть слуга Царю и отечеству и защитник их от врагов внешних и внутренних — вот первое правило, которое меня заставляли заучивать наизусть в течение 8 лет в казацкой школе. Эту фразу мы всасываем почти с молоком матери, и когда казак умирает, он шепчет эту фразу своему сыну, что казак есть слуга Царю и отечеству... Царь и отечество никоим образом нельзя противопоставлять. Царь — первый слуга отечеству» [2, с. 19-20]. Содержание вышеприведенной полемики думских депутатов в 1906 году по казачьему вопросу показывает, что в общественной жизни России никто не ставил под сомнение основную задачу казачества — службу для военной защиты отечества. Та роль, которую сыграли казаки при подавлении социальных бунтов в период 1905-1907 годов вызвала мысль о переосмыслении казаками своего места в структурах имперской власти. Традиции верной казачьей службы не должны были быть замещены только выполнением полицейских акций, дабы исправить некомпетентность царского правительства в социальных вопросах. Можно сказать, что в период Первой русской революции царская власть, выражаясь современными терминами, подставила казачество перед общественным мнением России. Недаром революционер Штокман в романе «Тихий Дон» высказывает мысль о том, что казакам 300 лет дурманили головы, и дабы ликвидировать это явление, надо расстрелять как можно больше казаков.

К 1917 году, к периоду ликвидации монархии в России, когда традиционное взаимоотношение казачьей идеологии, идущее со знаменитого соглашения между казаками Дона и царем Иваном Грозным в 1570 году о своеобразной казачьей автономии при условии верной казачьей службы закончилось, возник своеобразный казачий национализм. Идеология этого социального явления по большей части носит оборонительный характер. Его политическая направленность — сохранение казачьих традиций, расширение возможностей для форм самовыражения казачьей самобытности внутри русского общегосударственного социума, что характерно для социального самосознания субэтноса. Если же казачьи формы самоуправления и демократического действия не совпадают с общепринятыми европейскими формами демократических институтов, то это не значит, что казачья демократия и система выборов архаична и требует реформирования. Именно казачье самоуправление позволяло казачьему социуму избежать тех социальных эксцессов, которые наблюдались в крестьянской среде в России. Малосостоятельные казаки, как бы они не ворчали на войсковое начальство, в массе своей не шли за большевиками, и даже эсеровская пропаганда не имела большого успеха в казачьей среде. Общины казаков, станичные общества стремились материально помочь казаку отправиться на службу и не старались принизить чье-либо стремление к своему экономическому развитию. Система казачьей самоидентификации мыслилась казачьей интеллигенцией через призму изучения своего прошлого, истории становления казачьей самобытности и казачьего самоуправления в рамках исторической эволюции российской государственности.

Тем не менее в 1917 году, во время Гражданской войны, а впоследствии во время эмиграции, казачьи интеллектуальные круги постоянно искали определение своей казачьей самоидентификации. Были различные мнения по этому вопросу. Имелось стойкое течение, выражавшее точку зрения о том, что казаки особый народ. Подобное суждение высказывал казачий историк И. Ф. Быкадоров, считавший, что «...Казачество — особая форма государственного бытия, которое мог осуществить только самостоятельный народ» [3, с. 43]. Как аргумент к данному утверждению приводился пример наличия у казаков своей правовой системы, называемой в повседневной социальной практике казачества — войсковым правом. «...Во всех своих внутренних делах Дон руководствовался в жизни войсковым правом. Войсковое право — это комплекс положений, касавшийся государственного, церковного, административного, уголовного и гражданского права» [3, с. 46]. Само же осознание казаками своего исторического места в историческом раз-

витии не только России, но и Евразии, мыслилась как миссия передачи современному миру древних форм казачьей демократии, что нашло отражение уже в работах казаков-историков в эмиграции. «В основе культуры современного демократического мира лежат две великие идеи: идея морали и идея абсолютной ценности человеческой личности. Они перешли Человечеству в наследство от благородной культуры античного мира и на недостижимую высоту вознесены идеей христианства... Если понятия человеческой свободы, свободы человеческой личности, свободного общественного самоуправления являются первыми добродетелями современной демократии и оригинальными чертами национальной и гражданской природы самых передовых народов современности, то у казачества, как принадлежность его природы и быта, был основной священный принцип: казак — личность вольная, свободная, а в казачьем быту, в его общественном строе в отношении казаков исключалось рабское состояние. Это было в те далекие времена, когда во всей Европе еще существовало крепостное право, право собственности на христианскую личность. Казак личность свободная и равноправная: ни касты, ни сословий в его обществе. Всяк казак в праве своем равен другому... Поэтому в казачьем правосознании не вмещалось понятие диктатуры.

В верховном органе казачьей государственности — Войсковом кругу, подобном народным собраниям античной демократической Греции, равноправное участие принимали все казаки, способные носить оружие, каковая способность была бесспорно признана равнозначной гражданской. Казак был гражданином — воином. Если бы в старое время кто вздумал незаконно нарушить личную свободу казака, то, помимо законных органов власти, обязанных ее защищать, было еще одно обеспечение его свободы: это его оружие. Поэтому справедливо утверждать: общественный принцип казачества стоял на уровне идеи и принципов демократического строя передовых народов современности» [1, с. 9-10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вестник Казачьего союза. Вып. 1 // Уланов Б. Моральная ценность казачества. — Париж, 1948. — 47 с.
2. Казачий вопрос в Государственной Думе: стенографический отчет о заседании 13 июня 1906 г. — Новочеркасск, 1906. — 26 с.
3. Казачий исторический сборник. № 2. — Париж, 1955. — 56 с.